

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Самахер Хасан Давуд

ассистент, Преподаватель Факультета языков Багдадского университета, Ирак, г. Багдад

Hasan Samaher

Assistant Professor, College of Languages, University of Baghdad, Iraq G. Baghdad

Аннотация. В статье рассмотрены общекультурные и национальные признаки общности в российской и украинской литературе первой трети XX века, их общие черты на фоне развития модернистских течений того периода.

Abstract. The article discusses the general cultural and national signs of community in Russian and Ukrainian literature of the first third of the twentieth century, their common features on the background of the development of modernist movements of that period.

Ключевые слова: русская литература; украинская литература; литературная эпоха; национальные черты; модернизм.

Keywords: Russian literature; Ukrainian literature; literary era; national features; modernism.

Мнение о решительном переломе в истории европейской культуры в 1890-1930 гг. и, как следствие, «культурном взрыве», что существенно обновил мировое искусство, в гуманитаристике давно стала аксиомой. В России границы XIX-XX вв. получила название «Серебряного века». Векторы художественных практик украинского литературно-художественного процесса первой трети XX в. обуславливают обобщение о том, что «Украинская культура на рубеже веков представила свой - национальный - вариант культурного взрыва» [3, с. 7]. Присущее художникам первой трети XX века стремление к радикальному обновлению содержательных и формальных принципов творчества и отказ от канонов предыдущих эпох позволяют ученым созвучно выделить модернизм как главное эстетическое событие во всех видах искусства, в том числе в литературе.

Актуальность нашего исследования обусловлена литературоведческими вопросами, которые до сих пор связаны с проблемой различия в современном мировом литературоведческом дискурсе украинского и русского модернизма как отдельного историко-культурного феномена. Потому в данной статье ставим перед собой цель - очертить общекультурные и национальные признаки развития украинской и русской литератур первой трети XX века, выделить их созвучности и различия.

Исследование национальных особенностей требует специальной разведки не столько по отдельным персоналиям, сколько на уровне выяснения общей сути этого периода как идейно-эстетического явления, его природы и закономерностей. Справедливо утверждение, что «переход от переоценки модернизма и / или его отрицание к пониманию модернизмов: национальных, колониальных, гендерных, нативистско-геокультурных, расовых, и космополитических, урбанистических и «маломестечковых», высоких и популярных» (курсив

первоисточника. - В.Б.) стал возможен благодаря «новой интерпретативной рамке» в понимании эстетического модернизма, основанием для создания которой стала «постмодерная ситуация» [11, с. 7].

В литературоведении многое из того, что связано с модернизмом, было и до сих пор остается дискуссионным - это касается проблем периодизации, хронологических границ, терминологии, выделение и соотношение субпарадигм и др. Среди важных закономерностей культурного развития начала XX века - динамическая межнациональная коммуникация, в том числе литературная: сокращение временной дистанции в переводах, отсутствие переходного периода в адаптации художественного текста в другом национальном контексте и быстрая реакция критики на переводы произведения. Процесс переноса на национальную почву философских, поэтических и социальных параметров западной словесности, интенсивное усвоение европейских достижений в области философии и эстетики, стремительное

обновление искусства будут определяющими в формировании **НОВЫХ**

национальных культурных парадигм как на рубеже веков, так и в 1920-х гг. [5, с. 34].

Диалог украинской и русской литератур был еще более динамичный, поскольку его особенности оговаривались территориальным соседством, общим прошлым и постоянным культурным сотрудничеством. Как правило, постоянно действие в российских произведениях происходило непосредственно на языке оригинала. В то же время, перевод оставался важной составляющей национально-литературного процесса и одним из способов взаимодействия российской и украинской литератур. Произведения русской литературы рубежа веков и их критическое осмысление происходили наравне с мировыми, обогащая казну украинской литературы (произведения А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева и т.д., разведки вроде «Новости русской литературы Л. Толстой; Чехов; Боборыкин; Мамин Сибиряк и другие «сибиряки»; Потапенко; Микулич; Горки» М. Грушевского [4]). Встречный процесс часто «ускоряли» непосредственно авторы благодаря автопереводам (например, пьеса «Голубая роза» Леси Украинки) или выбирая за язык первоисточника русский (И. Днепроvский, И. Кочерга).

В последнее время утверждение об односторонности другого западного культурного влияния на теорию и практику восточно-славянского модернизма не является несомненным. Постепенно выделяются недавно растворенные в общем определении «советский» украинские и российские составляющие восточно-славянской культуры первой трети XX века. По Д. Горбачеву, например, «Украинские и российские парижане принесли в мир кубизма восточную красочность, мелодичную и всерадостную, почерпнутую из недр коллективного творчества - из керамики, лубков, икон, вышивок, кукол, ковров, писанок» [2, с. 46]. Такой эстетически-культурный обмен между Востоком и Западом, по наблюдениям ученых, продолжался до конца 1920-х гг. [2, с. 46-52]. Литература переживала те же современные трансформации.

Ячейки модернизма в украинской и русской культурах ни были постоянными, однако часто они были общими. Такими локациями в Украине для обеих культур были сначала Киев (где состоялась первая в Российской империи авангардная выставка «Звено» в 1908 году), затем - Харьков, куда в конце 1920-х приезжали работать русские модернисты и авангардисты. Кроме того, художники украинского происхождения внесли весомый вклад в русскую культуру в целом и литературу, в частности, например, «одесская плеяда» (И. Бабель, Э. Багрицкий, В. Катаев, Ю. Олеша). Украинские драматурги, чьи пьесы ставились на сцене российских театров, обсуждались русской критикой и публикой (от «Голубой розы» Леси Украинки (ранний украинский модернизм рубежа веков), «Патетической сонаты» М. Кулиша, (украинское Возрождение 1920-х гг.), пьесам А. Корнейчука 1930-х годов, т. н. «начального периода тоталитаризма»). Участники литературного процесса были репрезентантами национальной культурной ментальности, независимо от того, какой империи они принадлежали, что побуждает исследователей определять их культурную идентичность, отличие от подобного, но другое.

Еще одной проблемой в изучении модернистской литературной эпохи было то, что на

протяжении всего XX века ученые, если речь шла о русской и украинской литературе, не брали во внимание объемности и разнообразия литературного процесса, игнорируя, в первом случае, сосуществование литературы метрополии и зарубежья, во втором, рассматривая отдельно творческие процессы в Приднепровской Украине, Западной Украине и в эмиграции.

К тому же литературный процесс искусственно разрывался на два **практически поляризованных этапа по идеологическому признаку** (дореволюционная - советская), и национальные литературы почти не выделялись по литературе советской метрополии, если речь шла о периоде после 1917 года. Все это искажало рецепцию как украинской, так и русской литературы первой трети XX в. как многосложной целостности. Поэтому открытым на сегодня вопрос о периодизации украинского и российского историко-литературного процесса XX века, который с западноевропейским не совпадает у представителей обеих литератур с символизмом (Д. Мережковский «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), В. Щурат «Французский декадентизм в польской и великорусской литературе» (1896)).

Верхнюю границу исследователи все чаще сводят к 1920-30-х годов, так называемого позднего модернизма, когда, несмотря на идеологическое давление, литература не только выполняла социальный заказ, но и развивалась вопреки ему, в соответствии с собственными эстетическими закономерностями [9]. Заметим, что разделение XX века на трети, обусловленное социально-историческими факторами отчасти перекликается с распространенным сегодня взглядом на литературу сквозь призму поколений [9], что основывается на концепции Ф. Куммера. Ученый утверждал, что историю литературы надо писать по время продолжения определенного поколения (20-30 лет), ведь с изменением картины мира трансформируется и его художественное восприятие. Генерационное разделение украинской литературы XX века применяется, в частности, когда речь идет о послереволюционном поколении и шестидесятниках [3, с. 6].

Создателями литературного канона первой трети XX века были как писатели, чье формирование пришлось на границе XIX-XX веков и которые осознавали себя современниками таких классиков, как Л. Толстой и И. Франко (Л. Андреев, М. Булгаков, И. Бунин, И. Бабель, В. Винниченко, Максим Горький, Е. Замятин, Зеров, М. Коцюбинский, А. Куприн, И. Сургучова, Ю. Олеша, В. Петров (Домонтович), В. Стефаник), так и послереволюционные интеллектуалы (А. Афиногенов, Иван Багряный, Иван Днепроvский, Марк Йохансен, Б. Пильняк, Е. Плужник, М. Зощенко, Н. Кулиш, В. Лидин, Я. Мамонтов, А. Платонов, Николай Волновой, В. Шкваркина), чье становление происходило, с одной стороны, на опровержении классических канонов (что классифицировались как «буржуазные»), а с другой – на модернистской их рецепции и репрезентации, как сознательно, так и подсознательно.

Исходя из национальных признаков неустойчивого течения литературного процесса, в

украинской прозе было выделено «Три волны» модернизма 90-е гг. XIX в. - 10-е гг. XX в., 20-е гг. XX в. («репрессированное возрождение») художественное украинское движение (ХУД) в Германии в 1945-1948 [1, с. 5]. Зато в российской литературе логика развития модернизма обобщенно рассматривается как эволюция «от символизма (его ранней, декадентской стадии и более поздней, с поисками ценностных ориентиров в различных культурных и религиозных традициях) до стадии модернизма «на слом», где начинают прослеживаться и авангардистские тенденции» [3, с. 4].

В варианте периодизации с учетом жанрово-стилевой парадигмы украинской драматургии первой трети XX века «верхней» границей сказывается не бытование модернизма, а постепенное ограничение литературного развития требованиями соцреалистического канона, фактически свидетельствует об одном и том же: идеологически цензурные ограничения творческого процесса и является лакуной в «Прозаической» хронологии: конец XIX - начало XX века («ранний» модерн (И. Франко, И. Карпенко-Карого, Леси Украинки), «средний» модерн (В. Винниченко, Александр Олесь), «высокий» модерн (Леся Украинка, новоромантики) 20-е годы XX века (М. Кулиш, И. Днепроvский, Я. Мамонтов, Е. Плужник) 30-е годы XX века (Начальный период тоталитаризма) [10].

В современном мировом литературоведческом дискурсе украинский модернизм как историко-культурный феномен все еще не выделяется даже в тех исследованиях, где речь идет о национальных вариантах. так, исследуя культуру 1900-1930 гг., ученые выделяют французский и русский авангард, авангардизм (модернизм) в литературе Англии и США, Испании и Испанской Америке, Бразилии, Португалии, даже польский, чешский и сербский его версии, однако оставляют без внимания украинский [1]. И это касается не только современного российского литературоведения. Авторы Оксфордского справочника модернизма, различая национальные и транснациональные модернизмы, так же не упоминают о существовании украинского модернизма, однако выделяют, в частности, шотландский, ирландский, русский, карибский, китайский модернизмы, исследуют проблемы модернизма по испанской литературе, африканской, индийской, австралийской и др. [12]. Вместе с тем в западноевропейском литературоведении бытует мнение о необходимости «повторного» анализа русского модернизма как существенной составляющей европейского модернизма, которой присущи смелые инновации и особое отношение традиции [12].

В отличие от западноевропейских художников первой трети XX века, украинские и российские литераторы модернисты чувствовали ее за пределами давления внелитературных факторов - отношений между литературой и властью, партийного руководства всеми формами литературной жизни, - но пытались сохранить при этом глубоко индивидуальную и антидогматическую позицию. И это следующая примечательная черта, общая для украинской и российской литератур.

Из-за нарушения природных условий литературного развития в русской литературе возникли литература метрополии, скрытая литература и литература диаспоры [9, с. 5], которые развивались параллельно, часто как противоположные друг другу, но в общем исторической почве.

В украинской литературе, кроме общей исторической почвы, которую совмещала литература Приднепровской Украине («Русской Украина», по определению журнала «Литературно-научный вестник»), Западной Украина и диаспоры, объединяющим фактором впоследствии стал украинский язык. В первой трети XX в. модернизм выполнял роль катализатора национального литературного развития. Долгое время западные исследователи «отводили национальным вариантам модернизма роль маргинальную относительно «Великого европейского модернизма» [12, с. 9-10].

В условиях метрополии 1920-е годы ознаменовались началом разрушения классики не в эстетическом, согласно футуристическими лозунгами и программами, а в прямом смысле, как наследия враждебного прошлого. Зато эмигрантская литература в преемственности традиций видела неразрывность и целостность литературного процесса.

Литературы эмиграции создавались в иноязычной среде, но позиционировали себя как собственно национальные литературы, существование которых стало априори невозможным в

метрополии. Ученые диаспоры формировали концепции развития славянских литератур в общеевропейском контексте, учитывая контактно-генетические связи и типологические соответствия, с подчеркнутым вниманием к национальной специфике каждой из них.

Таким образом, литературно-художественные реалии эпохи вызвали родство проблем в формировании нового идейно-художественного качества обеих литератур и, как следствие, выделению на фоне общекультурных их национальных особенностей.

Список литературы:

1. Авангард в культуре XX века (1900-1930 гг.): Теория. История. Поэтика: в 2 кн. / Под ред. Ю. Н. Гирина. – М.: ИМЛИ РАН, 2010.
2. Васильева И. В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века : автореф. дисс. На соиск. уч. степени канд. культурологии : спец. 24.00.01. Москва, 2011. 24 с.
3. Голубков М. М. Русская литература XX века : После раскола. Москва: Аспект Пресс, 2002. 267 с.
4. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград : Наука, 1979. 494 с.
5. Заманская, В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М. : Флинта, 2018. 304 с.
6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. 384 с.
7. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). В 2 кн. М., 2001. Кн. 1. 960 с.
8. Тузков С. А., Тузкова И. В. Неореализм: Жанрово-стилевые поиски в русской литературе конца XIX – начала XX века. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2009. 336 с.
9. Тух Б.И. Путеводитель по Серебряному веку: Краткий популярный очерк об одной эпохе в истории русской культуры. Москва: Октопус, 2005. 208 с.
10. Тырышкина Е. В. Проза русского модернизма (1890–1920 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016 г., 194 с.
11. Шевеленко И.Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 336 с.
12. The Oxford Handbook of Modernisms (2010) / Edited by Peter Brooker, Andrzej Gasiorek, Deborah Longworth, and Andrew Thacker. Oxford UP.